

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.16

Б.Г. Чемериский

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ: НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Представлены наиболее распространенные концепции человека, его возникновения, развития и типологии.

Ключевые слова: *человек, сущность (природа) человека, его прогрессирующее и регрессирующее развитие.*

Антропосоциогенез, социальный процесс, история исходя из методологии социального познания могут трактоваться на разных взаимодополняющих друг друга уровнях абстрагирования. Однако в любом случае, прежде чем интерпретировать этот процесс, необходимо выбрать из многочисленных концепций и определить сущность, природу человека – этой элементарной единицы социальной формы материи. Сегодня этих концепций много. А от того, как мы понимаем человека, зависит не только теория, трактовка, интерпретация, но прежде всего социальная работа по воздействию, социализации, реабилитации, коррекции, лечению, воспитанию, вплоть до манипуляций с ним и над ним.

1. Человек: понятия, концепции, природа (сущность). Человек – понятие для обозначения элементарной единицы социальной формы материи, общества, человечества.

С момента выделения человека из мира животных мышление пытается зафиксировать его специфику, природу, сущность. В истории научной традиции концепций множество, о чем свидетельствует любой номер академического журнала «Человек». Знакомство с ним повергает исследователя в уныние по поводу «плюрализма мнений» относительно этого феномена. Многообразие поражает. Однако при всем многообразии мнений и толкований в теории объяснения и практике преобразования человека необходимо един-

© Чемериский Б.Г., 2012

Чемериский Борис Григорьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: socio@pstu.ru

ство, в противном случае любая «...logia» (антропология, социология, политология) просто невозможна.

Для того чтобы определить научную, т.е. подтверждаемую практикой, концепцию человека и отрешиться от ненаучных, псевдонаучных, частично и околонучных трактовок, представим наиболее часто встречающиеся их варианты в истории.

- Человек – это микрокосм, в который смотрится макрокосм, – гласит наиболее древняя натурфилософия Тибета, Индии, Китая, Греции, Рима.
- Человек – это «политическое животное», *antropos*, для Аристотеля и его школы, а также последователей до сегодняшнего дня.
- Человек – это сложная механическая система, – провозглашают механицисты времен Средневековья.
- Человек – это телесно-духовное единство, – заявляет с XVI века западноевропейская клерикальная мысль.
- Человек – это высокоорганизованное животное, по мнению дарвинистов XIX века, предвещающих обоснование гуманитарного знания буржуазного общества и т.д.

В XX веке на смену многообразным взглядам предшествующего дообщественно-научного знания оформляется несколько концепций человека, претендующих на научность.

В современной философии, социологической и естественно-научной литературе содержится ряд точек зрения на природу человека и, стало быть, общества, социальной материи. Согласно одной из них человек имеет «чисто» социальную природу. Биологическое при этом в человеке иногда и не отрицается, однако, по мнению сторонников этой концепции, оно настолько специфично, что фактически не может рассматриваться как биологическое и не играет сколько-нибудь существенной роли в историческом развитии человека и общества. Наиболее определенно эта точка зрения выражена М.Б. Туровским. «На каком основании, – пишет он, – морфофизиологические характеристики человеческого организма рассматриваются как биологические? Организм человека, по сути дела, никакое не биологическое» [10, с. 377–378].

Справедливо подчеркивая несводимость социального существа к его биологии, некоторые авторы не удовлетворяются такой трактовкой человека. Человек оказывается обособленным от остальной природы, что противоречит и данным естествознания, и диалектико-материалистической концепции развития объективной реальности. При таком подходе социальная материя лишается связи с предшествующей биологической и, следовательно, с природой в целом. Фактически отрицая биологическое в человеке, концепция «чистой» социальности приводит к выводу, что биологический прогресс полностью устраняется социальным процессом и тем самым не решает,

а упраздняет проблему соотношения социального и биологического в человеке.

Большую известность получила в последние годы концепция «*биосоциальной*» природы человека [11–13]. О ее широком распространении свидетельствуют многочисленные публикации. Согласно этой концепции человек обладает «и биологической и социальной природой, и биологической и социальной сущностью». «Природа человека биосоциальна» [12, с. 34]. «Человек одновременно выступает в двух качествах: как биологическое существо и как социальное, но только в разных отношениях» [14, с. 105].

«Биосоциальная» концепция делает шаг вперед, признавая в человеке существование биологии, однако она теряет идею целостности человека, т.е. природа человека оказывается, с точки зрения представителей этой концепции, двойственной – и биологической, и социальной.

Существенным недостатком одной из разновидностей биосоциальной концепции является сведение социальной сущности человека к системе общественных отношений. «Биологическая сущность человека в нем самом, а социальная – в той системе общественных отношений, членом которой он является как субстрат труда и общения», – пишет Г.И. Царегородцев. «Индивидуально свойственно находить свою человеческую сущность не в себе самом, а вне себя, в общественных отношениях» [16, с. 36–37]. Эта точка зрения лишает человека и общество их специфического материального субстрата. С точки зрения авторов этой концепции, свойства и функции могут быть только свойствами и функциями биологического, тогда как с точки зрения диалектического материализма и практики качественно новые функции и свойства присущи только качественно новому материальному субстрату.

Для некоторых зарубежных концепций характерна явная (З. Фрейд, Г. Маркузе, М. Нордау, Ц. Ломброзо) или скрытая (Э. Фромм, Г.С. Салливан, К. Хорни, Р. Парк) *биологизация природы человека*. Для фрейдизма и неофрейдизма свойственно игнорирование достижений современной биологии и антропологии. Решая вопрос о взаимосвязи биологии человека и исторического развития культуры, фрейдисты исходят из метафизической идеи неизменности человеческой биологии. Теоретическая несостоятельность этой идеи раскрыта в литературе [17, 18].

В работах американских специалистов Э. Монтегю, Р. Дюбо и др. содержится попытка анализа и выявления специфики биологии человека и ее связи с социальным процессом. Достоинством их взглядов является широкое использование достижений современной биологии человека. Однако отсутствие диалектико-материалистического подхода (структурный функционализм и интеракционализм здесь оказываются неработоспособными) к проблеме соотношения уровней материальной действительности и внеисторическое толкование концепции человека (характерное для социологии Смелзера)

приводят Р. Дюбо и Э. Монтегю и других специалистов к биологизации человека.

Теоретические недостатки этих взглядов преодолеваются концепцией человека, содержащейся в трудах классиков марксизма, развитой далее и получившей в современной литературе название «*интегральной концепции человека и социального*» [4].

Общей теоретической базой концепции служат изложенная в предшествующих темах методология социального познания, теория развития и соотношения уровней объективной реальности. Согласно этой концепции *человек имеет единую социальную природу* (сущность). Социальная природа человека включает в себя в качестве своей естественной основы низшие уровни (формы) материи, в том числе биологической и др., рассматриваемые не как рядоположенные, а в их диалектической взаимосвязи, определяемой закономерностями развития и соотношения высшего с низшим.

С позиций этой концепции человек развивается из биологического и на его естественной основе. Природа человека включает в себя предшествующие уровни материальных реальностей в качестве основ и необходимых условий существования, подчиняет их и развивает далее. По мере развития человека его организм и организменные основы становятся совершеннее (если развитие прогрессирующее), обеспечивая возможность развития собственно социальных свойств общественного существа. Так, у него обнаруживаются такие органы и функции, которые можно объяснить только особым путем формирования человека – рука, мозг, язык, например. Химизм его намного сложнее, нежели химия неживого, и отличается от химии животных. Человеческий организм представляет собой самую сложную механическую и физическую систему. Физические процессы (на которых сегодня делают бизнес разного уровня экстрасенсы), проходящие, например, в мозгу, имеют особенно сложную природу, познannую сегодня недостаточно. Таким образом, человек существует на природной основе специального, наиболее сложного организма, относящегося на данном этапе антропосоциогенеза к виду *Homo sapiens* с его специфическими, оригинальными химией и физикой.

Человек, «общественное существо» (Маркс), «высший цвет материи, в котором она приходит к осознанию самой себя» (Энгельс), является элементарной единицей целостного материального субстрата социального – общества, человечества. Возникнув как высшее социальное существо, человек, согласно Ф. Энгельсу, возвысил себя над остальной природой «и в специфически биологическом отношении». Он обладает наиболее развитой телесной организацией, существуя как «сложнейший организм» с более совершенной, нежели у животных, биологией. Сохраняющий в своей природной основе специфическую биологию, а следовательно, биохимию и биоэнергетику (фи-

зику), социальный индивид является специфическим интегральным социальным существом.

«Органическое тело человека» (Ф. Энгельс) – его биология, химия, физика, связано с окружающей природой – ее биологическими, химическими, физическими условиями, через преобразованные, низшие формы объективной реальности, «неорганическое тело» человека (биологическое, химическое, физическое), преобразованную трудом природу – продукцию сельского хозяйства, пищу, одежду, станки, инструменты, транспорт. Широкая природная основа существования социального субстрата как элементарной единицы, так и целостного состоит, таким образом, из включенного (H_b – социальная биология, биохимия, биофизика), преобразованного (H_n – модифицированная трудом биологическая, химическая, физическая природа) и естественного (H_e – биологического, химического, физического). К этой совокупности современная наука добавляет еще несколько «тонких» форм материальной реальности [7, 8]. Человек есть, следовательно, «специфическое», «интегральное», «универсальное» существо, соединяющее, интегрирующее в себе все богатство форм предшествующего исторического развития. Он – «микрокосм, в который смотрится макрокосм».

Совокупность социальных индивидов образует целостный социальный субстрат социального – человечество (Ч). Социальная форма материи существует на основе наиболее совершенного биологического вида с его специфическими биохимией, биофизикой и условиями существования – преобразованными и естественными. Формально это выглядит так:

$$Ч = H_e + H_n + H_b + B \rightarrow \infty.$$

Или, если это конкретизировать применительно к известным науке формам материи, следующим образом:

$$Ч = H_e(\text{фхб}) + H_n(\text{фхб}) + H_b(\text{ф'х'б'}) + B(c) \rightarrow \infty \text{ и т.д.}$$

На следующих уровнях конкретизации, фиксируемых разработчиками диалектико-материалистической концепции развития, атрибутами социальной формы материи и ее элементарной частицы – человека служат, как известно, движение, связи, отражение, имеющие, очевидно, ту же, что и материальный носитель, структуру. Формой социального движения является производство социальной жизни, трудовая преобразовательная деятельность. Она отличает социальное движение от всех предшествующих видов материальной активности. Как показывает анализ социальной жизни (движения), труд, взятый в отдельных его сторонах и, следовательно, в общем виде, представляет собой деятельность, не присущую ни одному живому существу, кроме человека, и определяемую ею, аналогичную биологической, активность.

Еда, питье, половой акт и пр. – совокупность «животных функций» человека, унаследованных от предшествующего состояния, не более. Высшие формы социальной жизни сохраняют в своей природной основе низшие формы движения, развивая их далее... Социальная жизнь, следовательно, имеет биологическое (биохимическое, биоэнергетическое, в том числе. – Б.Ч.) основание, представляя интеграцию низших форм материальной активности в высшем с возникновением при этом в ней «некоторого приращения сложности».

Поскольку социальное движение, производство, труд взаимодействуют с формами движения природы (H_e – физическими, химическими, биологическими) и в процессе этого взаимодействия преобразуют их (в H_n – физические, химические, биологические), постольку оно господствует над ними, превращая силы природы (естественные и преобразованные) в силы, стоящие на службе человека и общества. Подчиненная роль природных сил, включенных в производство, позволяет характеризовать социальное движение как высшую форму социальной активности. Способность к освоению и преобразованию естественных форм материального движения (механического в электрическое и далее, например) обуславливает господство человека и в этой области, не снимая его зависимости от сил природы, но, напротив, усиливая его связь с ней. Взятая в предельно широком смысле, обобщающая в трудовой деятельности все предшествующие формы активности, подчиняющая и преобразующая силы природы в процессах производства, обмена веществ человека с природой, низшего с высшим социальная жизнь, труд в широком смысле (Т), проявляет себя как специфическая, интегральная, универсальная деятельность человека, обмен веществ между низшим и высшим. Явление иллюстрируется следующим образом:

$$T = H_e (\text{фхб}) + H_n (\text{фхб}) + H_b (\text{фхб}) + B (c) \rightarrow \infty.$$

В процессе жизни люди вступают в общественные, человеческие отношения, образующие существенную сторону их способа существования и являющиеся конкретным выражением всеобщей связи явлений объективной реальности. Понятие «общественные отношения» есть абстракция, с помощью которой человек «схватывает», воспроизводит в своем сознании бесконечное многообразие связей, возникающих между индивидами в процессе общественной жизни. Люди не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и взаимного обмена этой деятельностью. Для этого они вступают меж собой в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство.

Сущность общества раскрывают не только возникшие в процессе специфической социальной деятельности отношения, но и естественные биоло-

гические связи. Эти связи, возникающие в процессах адаптации человека к природе, потребления готовых средств существования, размножения и регулирования биологической жизни человеческих организмов, в совокупности образуют организацию самосохранения вида *Homo sapiens*. Общественные отношения людей, включая в качестве природной основы биологические связи, носят, таким образом, интегральный характер, т.е. представляют обобщение и их биологических основ. Биологические связи людей слабо изучены в естествознании и поэтому не получили достаточного освещения и обобщения в философии, на что указывают некоторые авторы.

Сущность общества раскрывает не только отношения между людьми, но и их отношения к природе. Поскольку человек в своей деятельности активно воздействует на все уровни природы, все их подчиняет себе (степень этого подчинения, очевидно, различна на разных этапах общественного прогресса и требует специального исследования), мы можем констатировать универсальность его отношений (O) ко всей природе в целом, как окружающей, так и собственной, и, стало быть, универсальность его организации.

$$O = H_e (\text{фхб}) + H_n (\text{фхб}) + H_b (\text{фхб}) + B (c) \rightarrow \infty.$$

При ближайшем рассмотрении социальная организация предстает как совокупность специфических собственно общественных отношений, производственных связей (B).

При более глубоком исследовании социальная организация включает в себя специфические биологические связи в качестве необходимой природной основы общественных отношений. Это социальная организация в широком смысле слова – интегральная социальная организация (H_b).

Наконец, вся совокупность связей и отношений (отношений и связей как между людьми, так и людей к естественной и преобразованной природе – условию существования общества) образует социальную организацию в предельно широком смысле слова – универсальную организацию.

Социальное – это не только материальный субстрат, движение, связи, но и определенная форма отражения объективной реальности, присущая человеку как высшему продукту материи. Производство социальной жизни осуществляется под контролем сознания. Эта форма отражения предполагает в качестве природной основы биологическую активность мозга, получающую под влиянием социального дальнейшее развитие и «определенное направление» (Ф. Энгельс). Развитие сознания «сопровождается усовершенствованием всех чувств в их совокупности». «А чувство осязания, которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой зачаточной форме, выработалось только вместе с развитием человеческой руки, благодаря труду». И далее: «Мы, несомненно, сведем когда-нибудь сознание к механическим, физическим, химическим движениям в мозгу..., но разве этим исчерпывается сущность соз-

нения?» – риторически заключает по этому поводу автор «Диалектики природы» [5, с. 563].

Сознание (С) включает в себя в качестве природных основ и условий существования низшие формы отражения и, очевидно, также может быть охарактеризовано как специфическое, интегральное, универсальное свойство социального. Иллюстрировать это можно следующим образом:

$$C = B(c) + H_B(\text{фхб}) + H_{II}(\text{фхб}) + H_c(\text{фхб}) \rightarrow \infty.$$

Обобщая вышесказанное, можно резюмировать вслед за К. Марксом и дополняя его, что человек – это специфическое, интегральное, универсальное существо, осуществляющее универсальную деятельность, вступающее в универсальные отношения с природой как окружающей, так и своей собственной, и универсально отражающее развивающуюся действительность. Одним словом, как утверждали древние, человек – «это микрокосм, в который смотрится макрокосм». Это – «голографическое отображение Вселенной», – заявляет современная наука [8, с. 24].

2. Диалектико-материалистическая концепция возникновения и развития человека. Если история, социальный процесс, антропосоциогенез складываются из отдельных этапов, периодов, формаций, то возникает необходимость исследования причин и закономерностей развития и перехода от одного этапа, периода, формации к другим. Эта необходимость вновь, но уже не в принципиальной (абстрактной), а в более конкретной теоретической форме, ставит перед классиками проблему возникновения, существования и развития каждой формации с учетом предпосылок, природных основ и условий существования человека. «Всю историю надо начать изучать заново», – пишет Ф. Энгельс в 1890 году своим последователям. «Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций. Сделано в этом отношении до сих пор немного, потому что очень немногие люди серьезно этим занимались» [19, с. 371].

Такие попытки предпринимались в России¹ в последние десятилетия. Тем не менее проблема возникновения и развития человека и социальной организации с учетом роли природных основ и условий существования для каждого конкретного этапа социального процесса продолжает оставаться недостаточно разработанной. Для ее успешного разрешения в задачу дальнейшего изложения материала входит анализ методологических идей Ф. Энгельса о возникновении и развитии человека.

Его видение возникновения и развития человека, т.е. принципиальная концепция антропосоциогенеза, наиболее полно была изложена в «Диалекти-

¹ См., напр.: Оконская Н.Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; Оконская Н.К. Социальное и биологическое в развитии человека. М., 1979; и др.

ке природы» во «Введении» и в очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876 год). Суть концепции сводится к доказательству ведущей роли труда (обмена веществ человека с природой, низшего с высшим) в происхождении человека, развитии его природных основ и условий существования. Автор, основываясь на открытиях естествознания XIX века, вскрыл биологические предпосылки труда и его аналоги в животном мире, этапы становления, характер формирующегося и сложившегося производства социальной жизни, его последствия. Труд и его продукты постоянно порождают согласно данным очерка определенные «общественные» (социальные) и «естественные» (природные) последствия, «непосредственные» – «ближайшие» и «косвенные» – «более отдаленные» [3, с. 496–497].

Непосредственной предпосылкой возникновения человека, его жизнедеятельности и организации является, согласно Ф. Энгельсу, «необычайно высокоорганизованная порода человекообразных обезьян», их «образ жизни» и возникающие при этом «формы общественности» [5, с. 486, 488]. Образ жизни, наряду с условиями, является определяющим в развитии животных и их сообществ. Именно под влиянием образа жизни «был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку» [5, с. 486]. А вот как влияние образа жизни на организм комментирует современная наука: «Форму живого организма диктуют условия его жизни, что хорошо видно на примере камбалы. Молодые особи ничем не отличаются от других рыб: они плавают ближе к поверхности. Взрослые особи ведут другую жизнь, они охотятся лежа на дне. Изменился образ жизни – изменилась и симметрия – глаза, рот, плавники и прочее “переползли” на одну сторону» [20, с. 144].

В живой природе впервые появляется деятельность, деятельный организм и сообщества животных для совместной деятельности. Их жизнь имеет несколько сторон. С одной стороны – это приспособление к естественным условиям среды с помощью органов тела – естественных орудий животного и потребление готовых средств существования [5, с. 357]. Эта сторона деятельности обеспечивает течение «вегетативных процессов» организма (пищеварение, дыхание, выделение), необходимую для жизни энергию и, наоборот, обеспечивается ими. Другой стороной биологической жизни является размножение [5, с. 357]. Налицо, таким образом, аналог экономической и внеэкономической деятельности человека.

Эти две стороны жизни осуществляются под контролем высшей нервной деятельности и приобретают у животных некоторые черты целесообразности (аналог политической деятельности под контролем сознания). Энгельс пишет по этому поводу: «Мы не думаем отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям. Напротив, планомерный образ действий существует в зародыше уже везде», где имеется протоплазма [5, с. 496].

Развитие биологической жизни обуславливает изменение морфологии организма. Так, под влиянием образа жизни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли другие функции, в отличие от ног, обезьяны научились усваивать прямую походку [5, с. 486]. Разделение функций передних и задних конечностей повлекло за собой изменение форм всего тела [5, с. 486]. Но это были только непосредственные, ближайшие последствия деятельности.

Далее автор рассматривает косвенные, более отдаленные следствия образа жизни. Подчеркивая пассивный, приспособительный его характер у животных, он пишет, что они пользуются природой и изменяют ее в силу самого своего присутствия в ней. Уничтожив естественные запасы средств существования в одном месте, они уходят в другое. Это «хищническое хозяйство» животных играет важнейшую роль в постепенном изменении видов, так как оно заставляет их приспосабливаться к новым, необычным для них родам пищи, благодаря чему их кровь «приобретает другой химический состав, и вся биологическая конституция постепенно становится иной» [5, с. 491]. «Не подлежит сомнению, что это хищническое хозяйство сильно способствовало превращению наших предков в людей» [5, с. 491]. Оно вело к изменению средств существования, «следствием чего было проникновение в организм все более разнообразных веществ, создававших химические условия для превращения этих обезьян в людей» [5, с. 491].

Предпринятый Ф. Энгельсом анализ биологической жизни показал, что развитие охватывает не только саму биологическую материю, но ее физико-химические основы и природные условия существования, которые, с одной стороны, подвержены воздействию биологического, а с другой – сами влияют на него.

Потребительский характер жизнедеятельности животных обусловил почти полную их зависимость от изменений природы, роль которой в развитии животного мира оказалась решающей. Это существенно ограничивало возможности биологической эволюции, «привязывая» ее к стихийным изменениям природы. Наши животные предки не были способны извлечь из района, где они добывали корм, больше, чем он давал от природы. В условиях, ограниченных естественной средой существования, невозможным оказывалось и «увеличение обезьяньего населения» [5, с. 491], размножение и высшая нервная деятельность, не получающие достаточного питания. Преобразуемая в результате хищнического хозяйствования часть природы оказывалась незначительной, случайной в общей массе условий биологического существования, враждебной для животного, непригодной для его жизни. «Когда животные оказывают длительное воздействие на окружающую их природу, то это происходит безо всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным» [5, с. 494]. Роль хищнического хозяйства в развитии условий существования и изменении фи-

зико-химических основ организма была малоэффективной. Низкая продуктивность биологической деятельности снижала жизненный потенциал живого, делала его ограниченным, не способным разрешить эту ограниченность собственными биологическими средствами.

Ограниченность биологического существования разрешается через отрицание «хищнического хозяйствования» и замену его производством, простые элементы которого имеют свои аналоги в жизнедеятельности животных – природе, органах животного и самой деятельности, осуществляемой под контролем нервной системы. Но производство, по мнению автора очерка, «означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу» с помощью орудий [5, с. 357] – преобразованных человеком элементов природы физических, химических, биологических. Производство начинается с изготовления орудий – новой формы деятельности, не присущей ни одному животному. Используя механические, физические и т.д. свойства орудия, человек увеличивает естественные возможности собственных органов. С возникновением орудий – преобразованной природы – «начинается господство человека над природой» [5, с. 489].

По своему характеру производство – это деятельность, осуществляемая человеком под контролем сознания, способного познавать законы объективной реальности, направленная на преобразование с помощью орудий и сил природы предмета труда с целью создания средств к существованию. В отличие от животных, которые изменяют природу бессознательно, человек меняет ее целесообразно, планомерно, исходя из ее собственных законов [5, с. 494]. Если животные только пользуются природой, то человек вносимыми им изменениями заставляет ее служить себе, господствует над ней. И это является «существенным отличием человека от всех остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду» [5, с. 495].

Однако человек не властвует над природой как кто-либо находящийся вне ее. Наоборот, он плотью и кровью принадлежит ей и находится внутри ее. «Все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [5, с. 496]. Мы научаемся с каждым днем все лучше учитывать как ближайшие, так и более отдаленные «естественные» и «общественные» последствия наших, направленных на производство, действий. Постигая «естественные» последствия нашей деятельности, мы, тем самым, «получаем возможность подчинять нашему господству и регулированию также и эти последние» [5, с. 496–497], т.е. общественные.

В труде человек взаимодействует с природой и превращает ее в преобразованную природу, свое «неорганическое тело». Он использует и развивает ее потенциальные возможности, изменяя материальный растительный и животный мир «до неузнаваемости», переселяя различные виды животных

и растений из одной части планеты в другую. Благодаря труду «преобразованная природа предстает всякий раз как более развитые условия», средства существования человека. Домашние животные, например, более развиты, по мнению Ф. Энгельса, нежели их дикие предки, именно благодаря «общению с людьми» [5, с. 495].

Действием труда автор очерка объясняет и такое его естественное последствие, как изменение «органического тела», организма человека, его биологии, которая с развитием труда получает возможность последующего совершенствования. Труд обуславливает прежде всего новую дифференциацию органов: отмирание старых и появление новых. Трудовая потребность создала себе новые органы: руку, мозг, речевой аппарат, и т.д., преобразуя их из унаследованных от животного состояния органов, подчинила их деятельности всего организма. Эти органы не были, однако, чем-то самодовлеющим и самостоятельным. Они были только членами «в высшей степени сложного организма, и то, что шло на пользу, например, руке, шло на пользу также и всему телу» [5, с. 488].

Органы человека, как и весь организм, явились не только органами труда, они были также продуктами его. Чем сложнее был труд, тем сложнее был, – пишет Ф. Энгельс, – «его продукт» [5, с. 488] – биология человека, развивающаяся вместе с ним и после окончательного отделения человека от обезьяны. *Ее «дальнейшее развитие с момента окончательного отделения человека от обезьяны отнюдь не закончилось, а, наоборот, продолжалось и после этого; будучи у разных народов и в разные эпохи по степени и направлению различным, а иногда даже прерываясь местными и временными движениями назад, оно в общем и целом могучей поступью шло вперед, получив, с одной стороны, новый мощный толчок, а с другой стороны, более определенное направление»* [5, с. 490] (выделено мной. – Б.Ч.). Неравномерность развития труда обуславливала, таким образом, биологические (а следовательно, и социальные!) различия, а в целом изменение всех элементов обмена веществ человека с природой, всей объективной реальности (H_e, H_n, H_v, B).

Возникновение труда имело и более отдаленные последствия, результатом которых явилось усовершенствование физико-химических основ человеческого тела, превращение их в специфическую для каждого этапа социального процесса биофизику и биохимию человека. Это изменение «глубинных» основ человеческого существования с возникновением труда и его развитием приобрело интенсивный характер, что способствовало ускорению биологического развития человека. Изобретение огня и орудий, становление охоты, а позднее – земледелия и скотоводства... существенно сократили пищеварение и «вместе с ним продолжительность других вегетативных процессов в организме и этим сэкономили больше времени, вещества и энергии для активного проявления животной в собственном смысле слова жизни»

[5, с. 490], т.е. биологической активности человека, которая стала в этом отношении более совершенной, экономичной и мощной, нежели у животных предшественников [5, с. 490].

Появление из потребностей труда новой биологии, ее дальнейшее совершенствование вместе с исчезновением некоторых старых органов – волосяного покрова, например, свидетельствовало о диалектическом снятии закономерностей биологического развития организма и включении их в подчиненном виде в закономерности формирующегося социального. Труд поднял человека над животными, таким образом, не только в социальном, но «и в специфически биологическом отношении» [5, с. 359], придав «определенное направление» [5, с. 490] развитию этой специфической биологии людей. Ее характерной чертой была прежде всего деспециализация. В отличие от узкоспециализированных органов животного, органы человека были широкоспециализированными [5, с. 489]. Например, его рука и мозг при всем их сходстве с обезьяньими далеко превосходили последние по степени своего совершенства [5, с. 487].

Поскольку возникновение труда не отрицает, а, напротив, предусматривает дальнейшее развитие биологии, ее законы имеют, очевидно, силу и для существования человека, но не в качестве законов «свободной» биологии (т.е. биологии животного мира), а в качестве специфических, включенных, подчиненных социальному закону. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Благодаря производству так называемая *struggle for life* вскоре перестает ограничиваться одними лишь средствами существования, но захватывает и средства наслаждения и развития» [5, с. 622]. Дарвин доказал, – писал он в другом месте, – что «свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемые экономистами как величайшее историческое достижение, являются нормальным состоянием мира животных» [5, с. 359]. «Это – дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная – с удесятеренной силой и яростью – из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 217). И вместо того, чтобы игнорировать эти законы и в том числе борьбу, необходимо, следовательно, изучать их, «*анализировать эту struggle for life, как она исторически проявлялась в различных общественных формах...*» (выделено мной. – Б.Ч.) [21, с. 239].

Обусловливаемое постоянно развивающимся трудом, биологическое совершенствование человека способствует, наконец, историческому развитию его социальных характеристик. По Ф. Энгельсу, «развитие мозга и подчиненных ему чувств... оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию» [5, с. 490].

Процесс становления человека имел этапы, выделяемые Ф. Энгельсом в соответствии со способом производства жизненных средств. Соответствен-

но этим этапам развивались социальные, непосредственные биологические основы человека, естественные и преобразованные условия его существования (В, Н_в, Н_п, Н_с), т.е. вся система элементов объективной реальности.

«Собирание» [5, с. 487] преимущественно растительной пищи, осуществляемое с помощью естественных орудий, найденных в природе готовыми, – первый этап формирования человека, его биологических основ и условий существования; этот период предшествует началу производства каменных орудий. «Прежде чем первый камень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длительный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным» [5, с. 487]. В эту эпоху «перехода от обезьяны к человеку» [5, с. 487] существовал «формирующийся человек», «переходное существо» [5, с. 487, 492], внешне еще сходное по строению с животными предками, осуществляющее отличную от животной деятельность с помощью орудий. «Но это еще не было трудом в собственном смысле слова». «Труд начинается с изготовления орудий, деятельности, не присущей ни одному животному» [5, с. 491].

Становление каждого нового способа производства начинается с изобретения и производства принципиально новых орудий (технической революции), не присущих прошлому обществу и меняющих качественно труд, обмен веществ человека с природой, низшего с высшим. «Труд начинается с изготовления орудий» [5, с. 491], – считает Ф. Энгельс. Эти орудия являются «одновременно и оружием» охоты и рыболовства [5, с. 492], следующего этапа развития человека, обеспечившего людей мясной пищей, переход к которой означал новый «важный шаг на пути к превращению в человека» и совершенствованию его физико-химических основ [5, с. 492]. Этот новый этап производства «чрезвычайно способствовал увеличению физической силы и самостоятельности формирующегося человека» [5, с. 492], развитию его рук и мозга.

Употребление мясной пищи, т.е. новое усовершенствование вегетативного процесса, привело к двум новым достижениям: к пользованию огнем и приручению животных. Первое еще более сократило процесс пищеварения, второе – обеспечило регулярность мясомолочного питания. Оба эти достижения стали «новыми средствами эмансипации человека», обусловившими последующие шаги в развитии в том числе и его биологических основ [5, с. 492–493].

Далее труд становится еще более разнообразным, «совершенным», «многосторонним». К собирательству и охоте добавились скотоводство и земледелие, прядение и ткачество, обработка металлов и т.д. [5, с. 492–493], все более меняющие природу, превращающие ее в «неорганическое тело» человека. Эти совершаемые людьми усовершенствования обмена веществ

с природой и окружающих условий вновь и вновь «оказывали... обратное воздействие на их виновников, вызывая в них, в свою очередь, определенные изменения» [5, с. 495] – общественные (социальные) и естественные, непосредственные (биологические, биохимические, биофизические) и косвенные, более отдаленные... И так, очевидно, до сих пор и в перспективе...

Анализ и обобщение материалов очерка «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а также прочих работ основоположников диалектико-материалистической школы социологии позволяют сделать вывод о том, что общественными и естественными последствиями возникновения и развития труда, обмена веществ человека с природой, низшего с высшим служат: появление и постоянное историческое изменение социального (В), его биологических основ (Н_в) и природных условий существования – естественных (Н_е) и преобразуемых, модифицируемых трудом (Н_п). Степень этих изменений обусловлена уровнем развития труда, и наоборот, уровень развития природных основ социального и его самого обуславливает развитие преобразовательной деятельности. Чем выше развито социальное, тем осознаннее и эффективнее идет модификация все более глубоких уровней природного фундамента – биологии общества, естественных и денатурированных условий его существования [5, с. 496–497].

Поскольку между животными предками и человеком лежал период перехода первого во второе, перед Ф. Энгельсом встала задача определения критериев «формирующегося» и «готового» труда, субъекта производства и производственных отношений. Критерием готового труда он назвал производство орудий, а человека – труд, речь и сознание [5, с. 490]. Возникает, однако, вопрос, что собой представляют «готовые» труд, речь и мышление, на которые еще предстоит ответить.

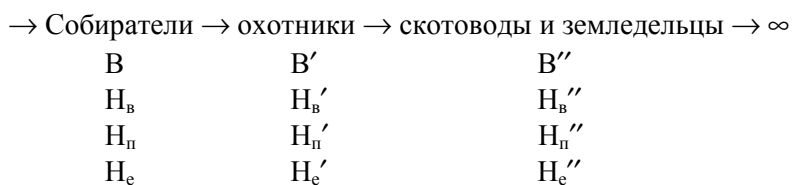
В очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» автор писал, что вместе с «готовым» человеком «возникает еще вдобавок новый элемент – общество» [5, с. 490]. Этапы развития его организации он проанализировал в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 год). В ней в той мере, в какой позволяли данные его времени, он последовательно проследил, в частности, развитие исторических форм семьи и других видов организации воспроизводства человека. Последующая задача заключается, очевидно, в том, чтобы, используя данную в прошлых темах методологию, на современном уровне естествознания и социальных знаний исследовать развитие предпосылок и форм (организаций), в которых оформлялось производство социальной жизни – экономической, внеэкономической, политической, культурной, идеологической в целом, а также роль в этих процессах биологических основ и природных условий существования.

Поскольку в марксизме налицо ряд взаимодополняющих друг друга уровней диалектико-материалистического понимания истории, антропосо-

циогенеза, социального процесса, для изучения проблемы возникновения и развития социальной организации необходимо выбрать какой-то ведущий, оставив остальные для последующих исследований и исследователей. Из вышеприведенных формационный уровень анализа человеческого бытия кажется предпочтительным, так как образует эмпирически законченную целостную теоретическую модель общества на каждом конкретном этапе его истории.

Методология социального познания требует вскрытия противоречивости содержания объективной реальности в каждый данный момент ее истории, поиска элементов (предпосылок) нового в старом, высшего в низшем. Иначе говоря, необходимо выявление предпосылок нового в старом и их развертывание, начальным моментом которого служит техническая революция. Становление каждой формации, как и возникновение самого человека и общества, начинается с производства принципиально новых орудий (технических революций), не присущих прошлому и качественно меняющих обмен веществ человека с природой, труд и его исполнителей.

Опирающиеся на эмпирические данные наук XIX века этапы развития труда и его последствий для человека, его естественных основ и условий существования фиксируются Ф. Энгельсом «с естественно-исторической точностью» как последовательность сменяющихся способов производства – собирательства, охоты, скотоводства с земледелием и т.д. На уровне абстрактной концепции диалектико-материалистического понимания истории (социального процесса, антропосоциогенеза) эта идея может быть для наглядности иллюстрирована так:

Теория человеческой деятельности является, таким образом, онтологией диалектико-материалистической концепции развития человека и общества. «Вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека...» и «вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» (К. Маркс). Следовательно, «мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху», – заключает Ф. Энгельс [5, с. 623].

3. Типология людей: род Ното, виды (магистральные и тупиковые), разновидности (нормальные и девианты) человека. Идея Ф. Энгельса о разнонаправленности развития человека в истории полностью подтвержда-

ется эмпирией современных конкретных наук и нуждается, следовательно, в социально-антропологическом анализе и объяснении.

Как свидетельствует традиция мировой социологической мысли, она (идея многообразия людей) имеет глубокие корни, уходящие в глубины тысячелетий. Вспомним хотя бы «Тибетские рукописи», уводящие нас на 20 миллионов лунных лет назад в ранний антропосоциогенез и утверждающие поливариативность развития древнейшего человека уже в те далекие времена.

Мишель Монтень писал: «Если верить Плинию и Геродоту, то в некоторых странах есть люди, очень мало на нас похожие.

Существуют смешанные породы людей, представляющие собой нечто среднее между человеческой породой и животной. Есть страны, где люди рождаются без головы, а глаза и рот помещаются у них на груди; где все люди – двуполые существа; где люди ходят на четвереньках; где у людей только один глаз во лбу, а голова более похожа на голову собаки, чем человека; где люди наполовину – в нижней части тела – рыбы и живут в воде; где женщины рожают в пятилетнем возрасте и живут только до восьми лет; где у людей лоб так тверд и кожа на нем так толста, что железо не в состоянии пробить их и сгибается; где у мужчин не растет борода; есть народы, которые не знают употребления огня; и другие, у которых сперма черного цвета.

Существуют люди, которые с легкостью превращаются в волков или в кобыл, а затем снова становятся людьми... в некоторых частях Индии имеются люди без рта, питающиеся только запахами».

Эта идея социально-антропологической неоднородности присуща Древнему миру. Напомним в связи с этим, к примеру, «Жизнь 12 цезарей» Светония или «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. Не лишены ее и библейские тексты, утверждающие устами пророков, что одна половина человечества не ведает законов, по которым живет и развивается другая, фиксирующая «число зверя».

Не обошла эта идея и Средневековье Западной Европы и России. Чего стоит, например, «Демонология» одного из представителей папского престола... или «Молот ведьм» – инквизиторское руководство к действию.

Буржуазное общество с его индустриальными технологиями производств, с его человеческим потенциалом и необходимостью управления им, о чем речь шла в свое время, объективно нуждалось в научных знаниях о человеке, его морфофизиологических различиях, типологии, социальной индивидуальности. Недаром, предваряя классическое социальное знание и социальную антропологию, в странах, вставших на путь капитализма, появляются работы о самых разных древних ископаемых людях Чарльза Ляйеля, о разных естественных основах человека в исследованиях Джеймса Причарда, о породах людей Роберта Латтама и Луи Агассиса и т.д. и т.п. XIX веку при-

надлежит фундаментальный труд французского дипломата, ученого-энциклопедиста Жозефа Артура де Габино «Опыт о неравенстве человеческих рас», трансформировавшийся в нашей стране в 2-томную «Русскую расовую теорию до 1917 года», а сегодня в «Расологию» В. Авдеева [1] (появилась и «Девиантология», не отвечающая, правда, содержательно своему названию).

Научной вершиной исследования проблемы человеческого полиморфизма стала академическая работа классика мировой и отечественной антропологии В.В. Бунака «Род Номо и этапы его эволюции» [2]. Обобщая эмпирию и научные поиски XIX–XX веков, автор выделяет в многомиллионном процессе антропогенеза *магистральные* и *тупиковые*, отклоняющиеся, девиантные виды человека, вскрывает их специфику и детерминанты. В этом же ряду работа представителя Ленинградского отделения АН СССР Ю.Г. Решетова «Природа Земли и происхождение человека», труды М.Г. Нестурха, Я.Я. Рогинского и многих других видных российских и советских исследователей. За рубежом, кстати, работ этого высокого теоретического уровня нет, о чем, не без горечи, пишет в «Структурной антропологии» К. Леви-Стросс, а во второй половине XX века писал П.А. Сорокин.

Под давлением практической потребности в этот же период в специальную отрасль научного гуманитарного знания выделяется расогенез (см. об этом монографию В.Б. Авдеева [1]).

Межвидовое, внутривидовое и расовое многообразие людей детализируется далее в проблемах этногенеза, который под этим углом зрения прекрасно представлен работами Л.Н. Гумилева. В них четко проводится идея разницы между образующими народы пассионариями, гармонариями и субпассионариями. В обобщающей мировой достижения работе Ю.Р. Вагина «Креативные и примитивные» вышеизложенные мысли и идеи подкрепляются массовой, психологической в том числе, эмпирией. Эти же проблемы многообразия человеческой природы исследовал Н.Н. Миклухо-Маклай, имя которого носит Институт антропологии и этнографии АН РФ.

Подтверждаемые статистикой профзаболеваний, спецификой социально-классовой аномии и прочей эмпирией (социальной, биологической, биохимической, генетической и т.д.) исследуются проблемы нормы и патологии, развития и вырождения, прогресса и регресса в социальной структуре общества на любом этапе его развития. Чего стоят в этом плане только работы ученика З. Фрейда и Ч. Ломброзо М. Нордау «Вырождение» или известного западноевропейского ученого Л. Вольгимана «Политическая антропология», за которую автор поплатился жизнью. Палитра исследовательских интересов этого времени необъятна и впечатляюща. Перечислим лишь некоторые из них, актуальные для современности. В российской науке В.В. Розанов [9], а в Германии друг Фрейда доктор Флис представляют для изучения и объяснения проблемы «плавающего» пола. Классик криминологии и социологии регресса Ч. Ломбро-

зо пишет для разрешения наукой работы «Гениальность и помешательство», «Политические преступники», «Женщина преступница и проститутка» и др. Рихард Кречмер в Германии, пожалуй, впервые с позиций науки и зарождающейся генетики берется объяснить феномен гениальности в работе «Природа гениальности» (на русский язык до сих пор не переведенной). Еще один западноевропейский ученый мирового уровня Рихард Крафт-Эбинг на уровне современных ему достижений объясняет причины девиантного развития. В России ему вторят работы Бехтерева, во Франции – доктора Шарко, в развалившейся Австро-Венгерской империи – книга И. Лесны «Болезни сильных мира сего». Русскими специалистами И.А. Сикорским, С.С. Корсаковым и др. представлена всесторонне разработанная стигматика вырождения, В.А. Мошковым – механика вырождения. И это далеко не все...

Своего апогея проблема поливариативной природы человека достигает в работах современных теоретиков и технологов глобальной политики. Здесь обобщается все достигнутое в мировой истории по этой проблематике, складываясь в своеобразную «таблицу Менделеева» человеческих типов (иллюстрацией этого феномена могут быть работы-бестселлеры Г.П. Климова [15], издаваемые большими тиражами во многих странах, в том числе в России, и быстро почему-то исчезающие. Периодически «исчезают» и материалы его авторского сайта в Интернете...).

В социальной антропологии эти проблемы человеческого полиморфизма должны быть не просто объяснены, но и трансформированы в теорию и практику определения нормы и патологии, прогресса и регресса, развития и вырождения, в технологии диагностики и реабилитации отклоняющегося развития, так как оно (девиантное, отклоняющееся, развитие) включает в себя зачастую, будучи стихийным, а сегодня и управляемым в технологиях геноцида, отнюдь не худшую, а порой лучшую часть человечества [6]. Об этом красноречиво свидетельствуют общеизвестные книги: «Самоубийство», «Гениальность и помешательство», «Вырождение», «Эстетика самоубийства», «Политические преступники», «Энциклопедия патологии», «Безумные грани таланта» и т.д. и т.п. Все эти проблемы разнонаправленного процесса развития человеческой природы необходимо интерпретировать. Ф. Энгельс их поставил. Наука представила эмпирические данные, факты. Социальная антропология, социология обязаны все это не замалчивать, а согласно своему статусу, проблематике и специфике анализировать, объяснять, ставить под контроль, разрабатывая и внедряя технологии диагностики и реабилитации. Но для этого весь исторический процесс развития человека (и прогрессирующего, и регрессирующего) необходимо поместить в исторические рамки, претерпевшие существенные изменения в современной науке, и объяснить, реализуя принципы научного познания Аристотеля, Гегеля и последователей.

Список литературы

1. Авдеев В.Б. Расология. – М.: Белые альвы, 2006.
2. Бунак В.В. Род Номо и этапы его эволюции. – М.: Наука, 1982.
3. Вагин Ю.Р. Креативные и примитивные. – Пермь, 1996.
4. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. – Пермь, 1974.
5. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20.
6. Минюшев Ф.И. Социальная антропология: курс лекций. – М., 1997.
7. Пучко Л.Г. Многомерный человек. – М.: АСТ, 2008.
8. Пучко Л.Г. Радиэстетическое познание человека. – М.: АСТ, 2008.
9. Розанов В.В. Люди лунного света. – М., 1982.
10. Туровский М.Б. Теоретические проблемы медицины и советского здравоохранения // Труды II МОЛГМИ. – М., 1969.
11. Бирюков А.Д. Миф о душе. Современная наука о психологической деятельности человека. – М., 1959.
12. Давыдовский И.В. Проблемы причинности в медицине (Этиология). – М.: Медгиз, 1962.
13. Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека: материалы к симпозиуму. – М., 1976.
14. Косарев А.Ф. К философскому пониманию теории человека // Соотношение биологического и социального в человеке. – М., 1975.
15. Климов Г.П. Протоколы советских мудрецов: лекции по высшей социологии. – Ростов н/Д: Феникс, 1994.
16. Царегородцев Г.И. Ф. Энгельс и социально-биологическая проблема // Вопросы философии. – 1970. – № 11.
17. Гальперин С.И. Критика теории биологизации человека. – Л., 1961.
18. Добреньков В.И. Неофрейдизм в поисках «истины». – М.: Мысль, 1974.
19. Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 37.
20. Санин А.С. Постигание совершенства. – М., 1987.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1953.

Получено 29.03.2012

B.G. Chemeriskiy

**METHODOLOGY OF SOCIAL COGNITION:
SCIENTIFIC CONCEPTION OF MAN**

The paper covers the most common conceptions of human race, its origin, development and typology.

Keywords: humans, human essence, progressive and regressive development.